

ДЕТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ НОМИНАНТА КОНЦЕПТА ЮРОДИВЫЙ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Вячеслав ДОЛГОВ,

магистр филологии, старший преподаватель
(Бэлцкий государственный университет им. Алеку Руссо)

Rezumat

În articol, cercetăm unitățile limbii ruse, care servesc la nominalizarea conceptului de „юродивый”.

Cuvinte-cheie: *unitate, nominalizare, concept.*

Традиционно под языковой картиной мира понимают совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике. В. А. Маслова, подчеркивая метафоричность данного термина, отмечает, что «в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа»¹.

Наряду с языковой картиной мира лингвисты выделяют и концептуальную картину мира, вопрос о соотношении которых до сих пор является дискуссионным. Отметим лишь, что некоторые исследователи, как например, А. В. Медведева, З. Д. Попова, И. А. Стернин, В. И. Убийко, заменяют термин концептуальная картина мира синонимичным «концептосфера», который был введен в российскую науку Д. С. Лихачевым. Концептосфера, по его определению, это «совокупность концептов нации». Она образуется всеми потенциями языка. И чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт, религии, тем богаче концептосфера народа².

Лингвокультурный концепт как метальное образование связан с вербальными и невербальными средствами выражения. Так, например, В. П. Нерознак под концептом понимает «знаменательный образ, отражающий фрагмент национальной картины мира, обобщенный в слове»³. Очевидно, что слово выступает главным объективатором концепта в языке и открывает доступ к концептуальному знанию. Другой важной характеристикой концепта является структурная

организация, выступающая необходимым условием его существования и включающая ядерную и периферийную зону.

Анализ данных словарей позволяет выявить некоторые ядерные компоненты концепта *юродивый* (однако не дает полного представления о его структуре и содержании).

Этимологические знания об имени концепта представляют эволюцию концептуального развития и отражают диахронические «глубины» ядра. Слово «юродивый» возникло в общеславянский период. В «Этимологическом словаре» Фасмера сказано: «*Юродивый*, др.-русс. *ЮРОДИВЪ*, начиная с XIV в. до этого – *УРОДИВЪ*»⁴. Древнерусское «оуродъ» происходит от слова «род» с отрицательной частицей. П. Я. Черных в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» поясняет: «Русская, восточнославянская форма *урод*, из *у-* – приставки, обозначающей «ущербность», «недостаток», «убыль», «уменьшение»... и корня *-род-*»⁵. По сути то же объяснение, но более обстоятельное, находим у иеромонаха Алексия, который приводит также сравнение со словом «выродокъ» (приставка *в-* и корень *-род-* передают значение «человек выкинутый, выброшенный из рода, отвергнутый родом»)»⁶.

Признак ущербности физического характера, заложенный в значении этимона, впоследствии вытеснит признак ущербности ментальной. Детерминологизация понятия произойдет, по верному замечанию С. А. Иванова, к XVII веку, когда обозначение «юродивый» закрепилось именно за святым, из благочестивых побуждений скрывавшимся под личиной безумца, а первоначальное «урод» – за калекой.

Обратимся к данным словарей современного русского языка. Примечательно, что В. Даль разделяет юродивых «отроду», т.е. «уродов» в древнем смысле этого слова, и «Христа ради». В его толковом словаре сказано, что «народъ считаетъ юродивыхъ Божиими людьми, находя нередко въ безсознательныхъ поступкахъ ихъ глубокий смыслъ, даже предчувствіе или предвѣденіе», а церковь признает «и юродивыхъ Христа ради, принявшихъ на себя смиренную личину юродства», в церковном же значении⁷.

Практика лексикографических описаний показывает, что толковые словари исходят из имеющихся на сегодняшний день и зафиксированных контекстов употребления слова. Для анализа структуры значения привлекается словарная статья «Словаря русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой⁸ как одного из наиболее авторитетных и современных изданий, а также данные «Толкового словаря русского языка» Д. Н. Ушакова (ТСРЯ)⁹ и академического 17-томного издания «Словарь современного русского литературного

языка» (ССРЛЯ)¹⁰. В словаре под редакцией А.П. Евгеньевой «юродивый» толкуется так:

1. Психически ненормальный: «Нельзя было назвать его совершенным идиотом или *юродивым*, но он был до того наивен, что иногда действительно его можно было счесть дурачком» (Ф. Достоевский, *Село Степанчиково*), с пометой «устаревшее»; ССРЛЯ – психически больной, помешанный, сумасшедший; в переносном значении – о непрактичном, неприспособленном к жизни человеке, чудаке, фантазере.
2. Блаженный, аскет-безумец или принявший вид безумца, обладающий, по мнению религиозных людей, даром прорицания: «Он с пятнадцатого года стал известен как *юродивый*, который зиму и лето ходит босиком, посещает монастыри, дарит образочки тем, кого полюбит, и говорит загадочные слова, которые некоторыми принимаются за предсказания» (Л. Толстой, *Детство*); ТСРЯ - христианский аскет-безумец или принявший вид безумца и обладающий, по мнению верующих, даром прорицания; ССРЛЯ – блаженный; аскет-безумец или принявший вид безумца, обладающий, по мнению религиозных людей, даром прорицания.

Список признаков номинанта исследуемого концепта может быть дополнен на основе абстрактно-собирательного деривата «юродство» и глагола «юродствовать». В ССРЛЯ «юродство» трактуется как:

1. Состояние невменяемости, умопомешательство: «[В Новгороде] толпа детей на улицах стала ругаться над его *юродством*, бросая в него камни» (Муравьев, *Путешествие по святым местам*).
2. Бессмысленный, нелепый поступок; безумное поведение: «Удушливая пустота и немота русской жизни, странным образом соединенная с живостью и даже бурностью характера, особенно развивает в нас всякие *юродства*» (Герцен, *Былое и думы*).
3. Нарочито ненормальное, неестественное поведение, вызванное чаще всего религиозными мотивами: «В некоторых из этих униженных судьбою скитальцев, ваших шутов и *юродивых*, самолюбие не только не приходит от унижения, но даже еще более распаляется именно от этого же самого унижения, от *юродства*» (Ф. Достоевский, *Братья Карамазовы*).

«Юродствовать» определяется в ССРЛЯ как:

1. Быть юродивым (во 2 значении), вести себя как юродивый: «– Как веруети? – прокричал отец Ферапонт, *юродствуя*» (Ф. Достоевский, *Братья Карамазовы*).
2. Совершать бессмысленные, нелепые, глупые поступки; чудить: «Коли ты холостой, на тебя и суда нет, *юродствуи*, как знаешь.

Пожалуй, хоть и жалованья не бери» (Островский, *Доходное место*).

Понятийный признак «лицо» исследуемого номинанта концепта нередко вербализуется словами *святой, аскет, подвижник, блаженный*: Юродивый = святой: «Тогда же был в Москве юродивый, уважаемый за действительную или мнимую святость: с распущенными волосами ходя по улицам нагой в жестокие морозы, он предсказывал бедствия и торжественно злословил Бориса...» (Н.М. Карамзин, «История государства Российского»).

Как верно заметил И. Ковалевский, юродство является уделом «совершенных», т.е. последовательно и истинно реализующих заповеди Бога, следовательно, святых. Святость юродивого, нередко не столь очевидная для обывателей, не подвергалась сомнению в церковной среде. Известно, что канонизации некоторых адептов данного «противуканонического» подвига предшествовал период их народного (местного) почитания.

Юродивый = подвижник и аскет: «Их поведение было исполнено соблазна, и это демонстрировало то совершенное бесстрастие, неподверженность соблазнам, которых они достигали своим аскетическим подвигом» (В. М. Живов *Святость. Краткий словарь агнографических терминов*). Православию известны различные чины святости: страстотерпцы, мученики, великомученики, святые князья, жены и т.д. В качестве одного из оснований для такого разделения выступает, в том числе, содержание подвига. Специфика подвига юродивого заключается не просто в отвержении всего мирского (благ, родственных связей, ценностей и пр.). Этот путь воздержания и строгий образ жизни, предполагающий ограничения в получении удовольствий и использовании материальных благ и позволяет его называть аскетом. Нравственный смысл аскетизма, таким образом, заключается в культивировании воздержания, ведущего к господству над страстями с целью содействия силам добра. Христианская аскетика - это путь приобретения добродетелей и достижения религиозно-нравственного совершенства, ведущего к обожению и спасению. Однако подвиг юродства являет собой нечто большее. Достигнув абсолютного «бесстрастия», преодолев греховное в себе, юродивый должен, победив гордыню, надеть маску безумца и, навлекая на себя «поношение» и унижение, своеобразной проповедью возвращать людей к абсолюту (аксиологический ряд: Бог, дух, истина, спасение, свет).

Юродивый = блаженный: «Больше ничего от него не могли добиться, потому что, выговоривши свою нескладицу, юродивый тотчас же скрылся (точно сквозь землю пропал), а задержать блаженного

никто не посмел» (М. Е. Салтыков-Щедрин, *История одного города*). В основном, это слово используется в значении «в высшей степени счастливый». Но в церковной среде закрепились традиции его применения к святым, почитание которых не было распространено в России (блаженный Августин, блаженный Феодорит Киррский и т.д.). А также наименование «блаженный» до сих пор применяется по отношению к юродивым (святой блаженный Андрей, Христа ради юродивый).

Лексема «блаженненький», вступающая на современном этапе наряду с «юродом», «блаженным», «юродивцем» в синонимические отношения со словом «юродивый», имеет те же значения, что и последнее: «— Вот что, — опять напал Гришка, — ходит тут такой юродивый блаженненький Иванушка-братец... Не я, а он эти слова говорит. «Да, — говорит, — будет в этих местах великое землетрясение и огненный вихорь». — Да ну?» (М. М. Зощенко, *Гришка-Жиган*). Примечательно, что данный дериват был образован с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-еньк-*, что отражает особенности народного восприятия представителей данного чина святости.

«Цементирующим» и, одновременно, создающим основания для двойственных оценок является признак «безумие»: «Он, провидец этот, скромно жил, тихонечко, в баньке брошенной у Днепра. В рубище ходил, акридами да росой питался, аки святой. А на деле-то, — Гурий Терентьевич вдруг заговорщицки понизил голос до шепота, — на самом деле умнейший был человек. Гордость свою как язву из души выжег, в смердящие одежды облачился, юродивым дурачком прикинулся, а всеми помыкал» (Борис Васильев, *Были и небыли*).

В различных культурах на различных исторических этапах концепт безумия, безусловно заслуживающий отдельного глубокого исследования, трактуется по-разному. В русской культуре присутствует представление о безумии как о болезни, а также «божьем наказании», которое, однако, может быть и признаком некой отмеченности. Доказательством первого отчасти может служить этимология слова «юродь», второго паремийный комплекс (пословицы и поговорки типа «Бог долго ждет, да больно бьет»; «Бог не Никитка, повыломает лытки» (т. е. накажет); «Бог накажет, никто не укажет»; «От бога не уйдешь»; «От божьей власти (или: кары) не уйдешь»; «Суда божьего околицей не объедешь»; «Кого бог любит, того и наказует»; «Наказуя, наказал мя господь, но смерти не предаде» и т.п.).

Библейское же понимание безумия, ставшее христианским основанием для духовного подвига юродства, выразил Апостол Павел в послании к Римлянам и Первом послании к Коринфянам. Он четко

противопоставляет «мудрость» земную и мудрость во Христе на том основании, что мудрость в мирском понимании оборачивается безумием в системе морально-этических ценностей, утверждаемых свыше: «...называя себя мудрыми, обезумели» (Рим, 1:22); «Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие?» (1 Кор, 1:20); «Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (1 Кор, 3:19). И наоборот: то, что является мудростью в системе духовных координат «мира горнего» есть безумие для «мира дольного»: «...слово о кресте для погибающих юродство есть» (1 Кор, 1:18); «...благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих» (1 Кор, 1:21); «...мы проповедуем Христа распятого... для Еллинов безумие» (1 Кор, 1:23); «...потому что немудрое Божие премудрее человеков» (1 Кор, 1:25). Следовательно, путь такого мнимого безумца является стезей избранных подвижников, уподобляющихся Богу. Отсюда, очевидно, и традиция обозначения юродивых как «божьих людей», а также их стереотипное восприятие как исполнителей и глашатаев высшей воли, божевольных.

Также следует обратить внимание на фрагмент Второго послания к Коринфянам (6:8–10) и одну из заповедей блаженства (Мф, 5:11): «в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах: нас почитают обманщиками, но мы верны; мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими, но вот, мы живы; нас наказывают, но мы не умираем; нас огорчают, а мы всегда радуемся; мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем»; «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня». Все, о чем идет речь, юродивые стремятся исполнить на своем пути. И главная причина их отречения от ума заключается в том, что они всецело подчинены ценностям той духовной системы координат, которую проповедовал Христос¹¹.

Признак «прозорливость» также обусловлен сакральной сущностью юродивого: «По другим известиям, юродивый предрекал ему беду, если он начнет свирепствовать во Пскове, и вслед за тем у Ивана издох его любимый конь» (Н. И. Костомаров, *Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей*). Известно, что юродивого воспринимали как личность, находящуюся в непосредственном общении с Богом. Что делало его носителем неких знаний, недоступных обывателям, об истинном положении вещей в настоящем и последствиях тех или иных поступков, действий в будущем. Данное обстоятельство обусловило возможность использования применительно к юродивому слов к корневыми морфами «ясновид-», «пророк(ч)-», «провид-» и т.п.

Признак «особая мотивированность действий» (поступки юродивого, как правило, не согласуются в обстоятельствами времени и места, противоречат здравому смыслу, лишены, как кажется логики)

обусловлен, с религиозно-философской позиции, христоцентричностью юродивого. «Юродивый Христа ради стремится следовать за распятым Христом», - поясняется в «Истории русской святости». И далее: «...в сердце юродивого жива память о Кресте и распятом, о пощечинах, плевках, бичевании, она-то и побуждает его в любой момент переносить Христа ради поношения и угнетение». Во-вторых, как носитель «иной» системы ценностей, явно противопоставленной мирской, он своими действиями призван указывать на любые нарушения установленного богом закона (что в богословии и трактуется как грех).

В целом, периферийные для номинанта исследуемого концепта в рамках церковно-религиозного дискурса признаки объединяются на том основании, что отражают отход от некой умозрительной нормы: «Видеть, как твой друг, пусть даже бывший... из искателя истины превратился в *юродивого* с постоянно мокрыми от страха Божия штанами... отвратительно» (Вячеслав Рыбаков, *Трудно стать Богом*). В данном случае, номинант исследуемого концепта может заменяться словами, объединенными семой «с отклонениями ментальной природы», например, сумасшедший, больной, чекнутый, тронутый, шизанутый, свихнувшийся, того, тю-тю и др. (наиболее распространенным из числа невербальных знаков, выражающих обозначенный смысл, является покручивание пальцем у виска).

Признак «глупый» и близкий по смыслу «непрактичный», связаны с уже обозначенным выше религиозно-философским противопоставлением мудрости мирской и божественной, а также противопоставленных систем ценностей. Логика мышления обывателя проста и понятна: юродивый не стремится к материальному накопительству, не извлекает личной выгоды из ситуации или положения, бежит от житейского комфорта и т.д., следовательно, он глуп, непрактичен, не приспособлен к жизни. Этот смысл выражают слова «дурак», «идиот», «чудак», «простак» и др. Положительная оценка номинанта концепта автоматически меняется на отрицательную.

Учитывая, что по установившейся традиции первыми в лексикографических описаниях даются наиболее актуальные значения, можем сделать вывод: признаки, определяющие сущность данного религиозного феномена в языковой картине мира рядовых носителей языка в обыденном сознании переместились на второй план. Что становится ещё более очевидным при сопоставлении с фактом вербализации рассматриваемого номинанта концепта в религиозно-философской картине мира, в рамках которой он сохраняет изначальную смысловую определенность. Так, например, в словаре

агиографических терминов В. М. Живов дает следующую дефиницию: «Юродивый (гр. [греч] σαλός), разряд святых подвижников, избравших особый подвиг – юродство, т.е. облик безумия, принимаемый ради “поругания миру”, радикального отвержения ценностей мирской жизни и служения Христу через свидетельство о внеположности Христова пути мирской мудрости и мирскому величию»¹². «Юродивые, люди, принимавшие на себя из любви к Богу и ближним один из подвигов христианского благочестия – юродство о Христе»¹³, - так начинается статья о самом парадоксальном чине святости в трехтомном энциклопедическом словаре «Христианство». В энциклопедическом справочнике «Мир русской культуры» определение понятия «юродивый» дается через синоним, также бытующий в церковно-религиозных кругах: «Блаженные – особый разряд подвижников и подвижниц, иначе называемых юродивыми. Этот вид подвижничества состоит в том, что избравший его отказывается от общепринятого образа жизни, делается скитальцем и нищим и добровольно принимает вид человека, лишенного здравого рассудка»¹⁴.

Чем обусловлены трансформации, приведшие к тому, что в сознании носителей языка фигура святого, из благочестивых побуждений надевающего маску безумия, редуцировалась до образа безумца или глупца? Не вызывает сомнений, что факторы, приведшие к изменениям, носят экстралингвистический характер и связаны с процессом секуляризации культуры, начавшимся в эпоху петровских преобразований.

Также следует принимать во внимание и одно из главных условий феномена юродства. Под маской умалишённых, как известно, адепты этого парадоксального вида подвижничества обязаны скрывать свое духовное совершенство. Лишить юродивого маски безумца невозможно, иначе духовный подвиг теряет смысл (в том числе и сакральный). К примеру, в самом первом из дошедших до нас житий юродивой Христа ради Исидоры Ефрема Сирина, рассказывается о том, что дева вынуждена была тайно бежать из Тавенского монастыря сразу после обнаружения ее святости. Так будут поступать в дальнейшем все блаженные, воспринимающие безумие способом борьбы с гордыней, средством духовного возвышения. Следовательно, любой очевидец поступков и речей блаженного, не согласующихся с местом, временем и обстоятельствами, естественным образом воспринимал его умалишенным, а не святым. Примечателен в этом отношении также тот факт, что Церковь за более чем 10-вековую историю русского юродства так и не выработала критериев идентификации адептов этого чина святости. Все это, в конечном

итоге, определило изменения в понятийной составляющей номинанта концепта «юродивый».

Примечания

¹Маслова, 2001, с. 66.

²Лихачев, 1993, с. 3-9.

³Нерознак, 1998, с. 81.

⁴Фасмер, 1996, с. 534.

⁵Черных, 1999, с. 461.

⁶Иеромонах Алексей, 2000, с. 59.

⁷Даль, 1994, с. 669.

⁸СРЯ, 1999, с. 775-776.

⁹ТСРЯ, 1935-1940, с. 1448.

¹⁰ССРЛЯ, 1965.

¹¹Подробно вопрос о противоположности мирской и христианской мудрости изложен в работах И. Брючанинова «Аскетические опыты» (М., 1993, т. 2, с. 362-412) и Г. Паламы «Триады в защиту священнобезмолствующих» (М., 1995, с. 7-40).

¹²Живов, 1994, с. 106.

¹³ХЭС, 1995, с. 286.

¹⁴МРК, 1997, с. 598.

Литература

ДАЛЬ, В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Москва, 1994. Т. 4 [=].

ЖИВОВ, В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. Москва: Гнозис, 1994 [=Живов, 1994].

ИЕРОМОНАХ АЛЕКСИЙ (Кузнецов). Юродство и столпничество. Религиозно-психологическое, моральное и социальное исследование. СПб., 1913. Репринтное издание. Москва, 2000 [=Иеромонах Алексей, 2000].

ЛИХАЧЕВ Д. С. Концептосфера русского языка // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Москва: Наука, 1993. Т. 52. № 1 [=Лихачев, 1993].

МАСЛОВА, В. А. Лингвокультурология. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Москва, 2001 [=Маслова, 2001].

Мир русской культуры. Энциклопедический справочник. Москва, 1997 [=МРК, 1997].

НЕРОЗНАК, В. П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск, 1998 [=Нерознак, 1998].

Словарь русского языка. В 4-х т. / РАН, Ин-т лингв. Исследований. Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва: Рус. яз. Полиграфресурсы, 1999, Т. 4 [=СРЯ, 1999].

Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Москва–Ленинград: Наука, 1965. Том 17 [=ССРЛЯ, 1965].

Толковый словарь русского языка. В 4 т. Под ред. Д. Н. Ушакова. Москва: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940, Т. 4 [=ТСРЯ, 1935-1940].

ФАСМЕР, М. *Этимологический словарь русского языка*. В 4 т. Москва, 1996 [=Фасмер, 1996].

Христианство. Энциклопедический словарь. В 3 т. Москва, 1995 [=ХЭС, 1995].

ЧЕРНЫХ, П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. В 2 т. Москва, 1999, Т. 2 [=Черных, 1999].